

Тимофеевский П. И.

Свобода личности

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П11

П11 **П. И. Т.**
Свобода личности / Тимофеевский П. И. – М.: Книга по Требованию, 2026. –
73 с.

ISBN 978-5-519-76704-0

ISBN 978-5-519-76704-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

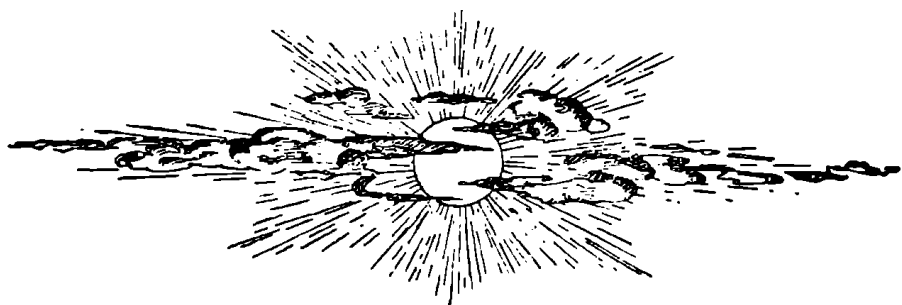
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Нѣтъ, кажется, слова болѣе священнаго для человѣка, чѣмъ слово свобода, и нѣтъ, кажется, понятія болѣе извращеннаго, чѣмъ связываемое съ этимъ словомъ въ наши страшные и роковые дни.

Свободный и рабъ,—два полюса, между которыми протекаетъ наша жизнь, ибо въ каждый моментъ каждый изъ насъ до извѣстной степени свободенъ и до извѣстной степени находится въ рабствѣ. И едва ли есть кто нибудь, никогда не дѣйствовавшій какъ рабъ или никогда не чувствовавшій себя свободнымъ.

Мы слишкомъ привыкли представлять себѣ свободу какъ нѣчто внѣшнее. Есть, конечно, внѣшняя свобода, какъ есть и внѣшнее принужденіе, но роль ея далеко не такъ значительна, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Въ самомъ дѣлѣ: если мнѣ не даютъ говорить, заглушая крикомъ или шумомъ мои слова, насильственно уводя меня съ кафедры или разгоняя тѣхъ, кто хочетъ слушать меня, то это будетъ внѣшнее принужденіе, и отсутствіе этого принужденія будетъ внѣшней свободой. Но почему годъ тому назадъ мы не слышали такихъ рѣчей, какія слышимъ теперь, и безъ затыканія рта и безъ разгона собраній ораторы—въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда дозволялось говорить публично—послушно и осторожно обходили скользкія и опасныя темы или подбирали для нихъ уклончивыя и эзоповскія слова? Почему человѣкъ, которому не зажимаютъ рта, говорить—то, что ему всей душой надо

сказать, не прямо, а съ экивоками и эзоповскимъ языкомъ? Онъ знаетъ, что, заговори онъ прямо, его рѣчь будетъ прервана. И это знаніе—*внутренній процессъ*—связываетъ его больше, чѣмъ прямая опасность внѣшняго насилія при враждебно настроенной аудиторіи связываетъ теперь.

Полицейское государство отлично знало и умѣло пользоваться этой внутренней связанностью, этимъ принужденіемъ страха. Какъ ни мощенъ былъ аппаратъ организованнаго насилія, его не хватило бы внѣшне, физически помѣшать говорить всѣмъ, желающимъ говорить свободно; но его съ избыткомъ хватало внушить увѣренность, что всегда и немедленно всякая неугодная рѣчь будетъ прервана, и эта увѣренность работала исправнѣе, чѣмъ вся полицейская машина.

Значить можно быть связаннымъ и помимо внѣшняго принужденія, быть связаннымъ своимъ страхомъ, быть рабомъ этого

страха. И это внутреннее рабство можетъ удержать въ своихъ оковахъ даже надежныѣ, чѣмъ держитъ внѣшнее принужденіе. И отсюда съ неизбѣжностью вытекаетъ, что, освободившись отъ внѣшняго принужденія, можно оставаться рабомъ, рабомъ внутренно. Вотъ первое, что надо замѣтить себѣ, изслѣдуя вопросъ о свободѣ.

Если мы начнемъ теперь сравнивать, какъ часто на пути у человѣка становится внѣшнее принужденіе и какъ часто тотъ или иной видъ внутренняго рабства, мы увидимъ, что это послѣднее несравненно чаще и могущественнѣе внѣшняго принужденія. Мы слушались начальства—молчали, когда хотѣлось говорить, и говорили, когда надо было молчать, потому что мы боялись, были рабами страха. Мы идемъ къ конторскому столу или къ фабричному станку, когда намъ хочется итти гулять или почитать книгу, потому, что мы боимся голода, мы были и мы есть рабы голода.

Мы работаемъ больше своихъ силъ, мы воруемъ у самихъ себя послѣднія минуты отдыха, мы идемъ на всѣ сдѣлки съ совѣстью, на проступки и преступленія только потому, что насъ насильственно принуждаютъ къ этому наши страсти и наши привычки. Я часто вспоминаю, какъ много лѣтъ тому назадъ, во время войны, мнѣ и моимъ товарищамъ пришлось нѣсколько дней остаться безъ папиросъ. Тоска по этому ненужному зелью, голодъ по этому яду, какъ бичъ надсмотрщика за рабами, заставляли итти на поиски за табакомъ, когда хотѣлось отдохнуть, мѣшали заняться чѣмъ либо, когда хотѣлось и надо было работать. Мы были рабы тогда, какъ рабы своей страстишки теперь всѣ тѣ, кто съ раннего утра устраивается въ табачныхъ или шоколадныхъ хвостахъ. Я взялъ какъ примѣръ табакъ, потому что здѣсь рабство особенно наглядно: доставляемое имъ удовольствіе — только утоленіе естественнаго

голода, выработаннаго привычкой, его удовольствіе — только отсутствіе бича надсмотрщика, а между тѣмъ посмотрите: человекъ—свободный человекъ!—хочетъ говорить, хочетъ участвовать въ бесѣдѣ, но «надо пойти покурить»... Человекъ хочетъ оставаться, но хозяинъ погналъ своего раба...

Но наши господа, истинные хозяева нашихъ дѣйствій еще не исчерпываются этими эмоціями и страстями: страхомъ тяжелыхъ жизненныхъ условій, страхомъ голода, желаніемъ тѣхъ или иныхъ пріятныхъ ощущеній. Эти хозяева по крайней мѣрѣ живутъ внутри насъ, послушаніе имъ влечетъ хотя и кажущееся, но удовольствіе; ихъ гнѣвъ дѣйствительнымъ ударомъ ложится на наше тѣло. Но у насъ есть еще категорія господъ, подчиненіе которымъ прямо таки трудно понять.

Обращали ли вы ваше вниманіе, до какой степени мы зависимъ отъ чужихъ мнѣній? Приходилось ли вамъ задумываться,

какую власть имѣетъ надъ нами то, что «принято», сколько усилій мы дѣлаемъ, сколько иногда жертвъ мы несемъ изъ-за того, что намъ совершенно не нужно, но что кѣмъ-то признано для насъ обязательнымъ. Кто-то приказываетъ, и мы послушно одѣваемъ совершенно ненужные и ненравящіеся намъ галстуки или манжеты, тщательно слѣдимъ чтобы одежда имѣла «принятый теперь» покррой, чтобы платье было модно или по крайней мѣрѣ «не бросалось въ глаза». Вѣроятно добрая треть бюджета, а слѣдовательно и треть рабочаго времени уходитъ на эти обязательныя и ненужныя пуговики и обшлага, бантики и оборки, гарнитуры мебели и сервизы. Я сейчасъ совершенно не касаюсь тѣхъ, кто находитъ всю эту безвкусицу красивой — такихъ меньшинство, а вѣдь послушны этимъ приказаніямъ мы всѣ, и наши одежды и наши жилища громко обличаютъ насъ въ нашемъ рабствѣ, рабствѣ у «принято» и «модно».

Я не намѣренъ касаться избыткаго вопроса о власти модныхъ теченій, лозунговъ и взглядовъ надъ умами людей. Но на одну сторону его необходимо обратить ваше вниманіе. Если вашимъ послушаніемъ въ костюмѣ или въ обстановкѣ гостинной рѣшается, насколько вы «порядочный человекъ», то вашимъ послушаніемъ въ образѣ мыслей рѣшается, насколько вы интеллигентный и передовой человекъ. Горе тому, кто мыслить не «по примѣру прочихъ». Онъ отсталый, онъ мракобѣсъ, онъ контрреволюціонеръ, для однихъ группъ. Онъ—фанатикъ, изувѣръ, разрушитель всего—для другихъ. И вотъ на эту то сторону вопроса я и хотѣлъ обратить ваше вниманіе. Человекъ—свободный человекъ—говоритъ не то, что онъ думаетъ—«здѣсь это будетъ плохо принято» —и не такъ, какъ онъ думаетъ—«здѣсь это надо смягчить». Онъ рабъ—этотъ свободный человекъ, какія бы свободныя слова онъ не говорилъ

и въ какомъ бы свободномъ собраніи онъ не участвовалъ—онъ рабъ чужихъ мнѣній.

Но есть рабство, которое мнѣ представляется еще болѣе постыднымъ. Въ случаѣ рабства у мнѣній, хозяевами являются все же люди, а человѣкъ можетъ быть рабомъ *вещи*. Какъ часто человѣкъ все свое достоинство полагаетъ въ томъ, что у него есть. Стыдно становится за человѣчество, когда вдумываешься въ это явленіе. Человѣкъ купилъ автомобиль и доволенъ, чувствуетъ себя болѣе значительнымъ. Его значительность можетъ быть увеличена автомобилемъ. Если онъ лишится своего выѣзда, его достоинство станетъ меньше. Дешево же стоитъ это достоинство, если оно можетъ замѣтно уменьшиться при лишеніи лошади или экипажа.

Если начать всматриваться, то окажется, что право собственности обоудно. Еще Гейне сказалъ, что онъ сталъ менѣе свободнымъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ

купилъ себѣ сервизъ. Если я владѣю собственностью, то и собственность до известной степени владѣетъ мною. Если у меня есть собственный домъ, то онъ требуетъ моихъ заботъ и расходовъ, онъ принуждаетъ меня жить тамъ, гдѣ онъ построенъ, или по крайней мѣрѣ періодически навѣдываться туда. Если у меня есть капиталъ, я рабъ страха лишиться его отъ неудачной биржевой конъюнктуры; если у меня есть красивая обстановка, она заставляетъ мнѣ перемѣнить квартиру. Посмотрите кругомъ, какъ много богачей являются простыми стражами своего богатства, лично пользующимися имъ не болѣе, чѣмъ легендарные призраки, охранители кладовъ; и всѣ эти люди думаютъ, что они свободны.

Какъ же борются за свою свободу всѣ эти рабы страха и голода, страстей и привычекъ, чужихъ мнѣній и собственныхъ ве-